

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Статья посвящена проблемам преемственности и легитимности самодержавной власти по российскому законодательству. В центре внимания находятся вопросы о престолонаследии и сакральности самодержавия.

Ключевые слова: самоуправление, власть, законодательство, легитимность, преемственность, Петр I, император Павел.

Проблему преемственности и легитимности самодержавной власти можно обозначить, пожалуй, как одну из основных, с которыми столкнулось самодержавие. Подтверждением этому служит период дворцовых переворотов, который самими современниками и историками определяется как время беззакония и «случайностей». Неопределенность в порядке престолонаследия породила возможности манипулирования носителями верховной власти, вызвала к жизни проекты ограничения самодержавия и становилась причиной смены лиц на троне.

При рассмотрении вопроса о преемственности самодержавной власти нельзя обойти и вопрос о ее сущности и правовом положении. Многие работы историков посвящены рассмотрению феномена самодержавия, в частности, проблемам сакральности самодержавной власти. Большинство исследователей последнего времени указывало на то, что восприятие царя как образа Божия было фактом религиозного сознания [1]. П. Флоренский отмечал, что «в сознании русского народа самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт, милость Божия, а не человеческая условность ...». Такое понимание самодержавной власти закреплено и юридически. Из ряда законов Российской империи следует, что император наделялся верховной властью. Она едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, нерушима, территориально везде присуща [2. Т. V. 3006; Т. VI, 3485]. Она является источником всякой государственной власти. Юридически она ничем не ограничена. Она не подчиняется ничьему суду, «ибо если бы был высший судья, то ему бы и принадлежала верховная власть. Она – верховный судья всякого права...» [3. С. 62, 134]. По самому существу правления монарх держит власть независимо от кого бы то ни было, не как упол-

* © Павлова Е.В., 2008

Павлова Елена Валентиновна – кафедра российской истории Самарского государственного университета

номоченный, а по собственному праву, получив ее свыше, по божественному изволению. Это дает власти религиозное освящение.

Божественное предопределение монархической власти являлось безусловным основанием легитимности самодержавия, связывающим монарха с подданными: «Верховная власть самодержцу от Бога дарована» [2. Т. XXV. 18734]. В главе первой Свода Законов Российской империи «О существе Верховной самодержавной власти» российский монарх определен как самодержавный и неограниченный: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть. Повиноваться Власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает... Особа Государя Императора священна и неприкосновенна» [4. С. 141]. Юрист Н.М. Коркунов, уточняя определение самодержавия, исходя из этого закона, разъяснял, что в нем указаны три свойства самодержавной власти: «верховность, самодержавие, неограниченность». Обозначение власти монарха как верховной показывает, что ему принадлежит высшая безответственная власть в государстве. Самодержавие и неограниченность утверждают, что вся полнота власти сосредоточена в руках монарха [5. С. 210].

Статья 47 Свода законов указывала, что осуществление самодержавной власти русского царя совершается на началах законности. «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов... от Самодержавной Власти исходящих» [4. С. 144]. Самодержец являлся «источником всякой государственной и гражданской власти» [2. Т. XVIII. 12949]. Сама законность и несомненность его установлений объяснялась сакральным характером его власти, легитимность которой определялась волей Божией [4. С. 34]. На представлении о божественном происхождении власти зиждилось убеждение русских государей о ее неограниченности [7. С. 42]. Так воспринимал Свою власть Иван Грозный. Так ее воспринимал и Алексей Михайлович. В письме к князю Г.Г. Ромодановскому он прямо утверждал: «Бог благословил и передал Нам, государю, правити и рассуждати люди своя... в правду, и мы божие дела и наши, государевы, во всех странах полагаем смотря по человеку» [8. С. 774].

Начиная с Соборного Уложения, идея богоустановленности царской власти повторялась во всех основополагающих законах русского правительства. Законы Российской империи прямо указывают на божественную природу самодержавной власти, на «священную миссию» православных монархов, дарующих христианскому народу мир и социальное благополучие «под сенью крил» двуглавого российского орла [2. Т. XXVI. 19779]. Царь завершал иерархическую пирамиду общества. На поверхности эта система вуалировалась патримониальными отношениями. В «резонах и доводах» к уставу о наследии престола и клятвенному обещанию 1722 года отношения между самодержцем и подданными рассматриваются как отношения между детьми и родителем: «Монарх родитель сугубою властью содержит под собой сына своего, то есть яко родитель сына, и яко Государь подданного...». Он отец и государь не только своему народу, но и детям своим. Его «долженство сохранять, защищать,

во всяком беспечалии содержать, наставляти и исправляти подданных своих» [2. Т. VII. 4870].

До Петра I легитимность основывалась на династическом принципе преемственности самодержавной власти. Иван Грозный считал свою власть законной по Божьему изволению и праву рождения. С гордостью он воспроизводит свою генеалогию, берущую начало от св. Владимира и Александра Невского, как основание легитимности своей власти. На защищаемую Курбским идею ограничения царской власти советом ближних бояр Грозный отвечал ссылкой на историческую традицию: «Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!» [9. С. 122].

Петр I практически разрушил сложившуюся систему наследственной преемственности власти. Он объявил, что монарх вправе сам выбирать себе преемника, который бы продолжал его дело. Так, в пояснении к уставу о наследии престола читаем: «Должно яко отцу и Государю определяти себе в наследники или лишати наследия», самодержавный родитель может судить и отчуждать «злонравных детей». Установление о престолонаследии 5 февраля 1722 года закрепляло практически за государем право нарушать законы, поскольку природа власти русского самодержца не была «стеснена юридическими нормами, поставленными выше его власти» [10. С. 38], в русском сознании укрепился постулат неподвластности самодержца человеческим законам [11. С. 204]. Так, теоретик петровского самодержавия Ф. Прокопович писал: «Царь заповеди Божии хранить должен, но за преступления их самому токмо Богу ответ дает» [12. С. 22].

Представление о таком принципе престолонаследия открывало большие возможности самозванству, природа которого – отрицание династического принципа. Поскольку Петр I юридически завершить свои идеи не успел, это привело к тому, что после его смерти Россия столкнулась с длительным кризисом самодержавия, заполненным заговорами, предательством, убийствами. В.О. Ключевский отмечал, что «с самого начала XVIII века носителями верховной власти были люди либо необычайные, как Петр Великий, либо случайные, каковы его преемники и преемницы, даже те из них, кого назначала на престол...предыдущая случайность. Екатерина II замыкает собой ряд этих исключительных явлений нашего во всем не упорядоченного XVIII века: она была последней случайностью на русском престоле и провела... необычайное царствование. Далее пойдут уже царствования по законному порядку» [13. С. 5-6].

5 апреля 1797 года актом о порядке престолонаследия Павел впервые ограничил самодержавие. До этого оно никаких собственных социально-правовых ограничений не имело [14. С. 231].

Теперь в вопросе о передаче власти монарх был ограничен законом, который четко регламентировал процедуру наследия престола: «По пресечении сего мужескаго поколения, наследство переходит в род втораго Моего Сына, где и следовать тому, что сказано о поколении старшаго Моего Сына, и так далее, если бы более у Меня Сыновей было; что и есть первородство. По пресечении последняго мужескаго поколения

Сыновей Моих, наследство остается в сем роде, но в женском поколении последне-Царствовавшего, как в ближайшем Престолу, дабы избежать затруднений при переходе от рода в род, в котором следовать тому же порядку, предпочитая мужское лице женскому; однако здесь приметить надлежит единожды навсегда, что не теряет никогда права то женское лице, от котораго право непосредственно пришло» [2. Т. XXIV. 17910].

Современники восприняли этот акт крайне положительно. Этим актом «определялись правила престолонаследия со всеми подробностями, в предупреждение нарушения этого закона, столь необходимого, как отмечали современники, – для спокойствия империи. Эти меры были весьма мудрые и полезные» [15. С. 74]. Павел I, издавший закон, предусматривающий условия престолонаследия по нисходящей мужской линии, восстановивший династический принцип преемственности самодержавной власти, был убит в результате переворота, в котором участвовал и его сын Александр.

С точки зрения юридической цареубийцы и все, кто состоял в заговоре, должны были быть приговорены к смерти. Закон предусматривал наказание как за убийство и покушение на священную особу императора, так и за отцеубийство. По Уложению 1649 г. смертная казнь – основной вид наказания за убийство. Смертной казнью наказывалось убийство и покушение на убийство государя, «приготовление и обнаружение умысла» на преступление [16]. Свод законов Российской империи (1832 г.) предусматривал «особенные виды смертоубийства». К их числу относились: убийство отца или матери, чадоубийство, детоубийство, братоубийство, убийство жены мужем и наоборот, а также убийство прочих родственников, убийство начальника подчиненным и наоборот; убийство лиц при отправлении ими должностей. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) смертная казнь предусматривалась за убийство Императора или члена его семьи.

В законах Российской империи также поднимался вопрос о возможных претензиях на корону сыновей самодержца: «Богом цари царствуют..., от Господа дается им держава и сила от вышняго: владеть вышний царством человеческим, и ему же восхочет дать е. То како может Государев сын у родителя своего короны, аки бы некоего долга истязати» [2. Т. VII. 4870].

С точки зрения обыденного восприятия, события, произошедшие в 1801 году, рассматривались современниками как непоправимая катастрофа. Заговорщикам давались такие характеристики, как «сатанические святотатцы» [17.Л.3], «иуды» [18.Л.8]. Посягательство на самодержавную власть воспринималось как в высшей степени преступное.

Библиографический список

1. Боханов, А. Н. Самодержавие. Идея царской власти / А. Н. Боханов. – М.: «ТИД «Русское слово – РС», 2002.

2. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. – СПб., 1830.
3. Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки / Б.Н. Чичерин. – М., 1894. – Ч. 1.
4. О существе Верховной Самодержавной Власти // Свод Законов Российской империи. – СПб., 1906. – Т. 1. – Ч. 1.
5. Коркунов, Н.М. Русское государственное право / Н.М. Коркунов. – СПб., 1908. – Т. 1.
6. Новикова, Л.И. Три модели развития России / Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М., 2000.
7. Дьяконов, М.А. Власть русских государей / М.А. Дьяконов. – СПб., 1889.
8. Записки отделения русской славянской археологии Русского археологического общества. – СПб., 1861. – Т.2.
9. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – Л., 1979.
10. Дидятин, И.И. Верховная власть в России в XVIII столетии / И.И. Дидятин // Русская мысль. 1881. – Кн. 3.
11. Анисимов, Е.В. Самодержавие XVIII века: право править без права / Е.В. Анисимов // Нестор. – 2005. – № 7 (1).
12. Феофан Прокопович. Правда воли монаршей / Феофан Прокопович. – СПб., 1722.
13. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский. М., 1989. – Т.5.
14. Пивоваров Ю.С. Екатерина II, самодержавие и русская власть / Ю.С. Пивоваров, А.И. Фирсов // Русский исторический журнал. – 1998. – Т.1. – № 4.
15. Из записок Д.П. Рунича // РС. – 1901. – Т. 105. – № 1.
16. Российское законодательство X-XX веков. Т.1 / под ред. О.И. Чистякова. – М., 1984.
17. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 692.
18. ГАРФ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 61.

E. Pavlova

CONTINUITY AND LEGITIMACY OF AUTOCRACY ACCORDING TO RUSSIAN LEGISLATION

The paper is devoted to the problems of continuity and legitimacy of autocracy according Russian legislation. The questions of succession and sacral of autocracy are discussed.

Key words and phrases: self-government, government, legislation, legitimation, succession, Peter I, emperor Pavel.

Статья принята в окончательном варианте 27.08.08 г.